

- ¹¹ А. Ч. Импровизированные мосты через Сыр-Дарью // Уральские войсковые ведомости. 1967. № 23.
- ¹² Туркестанские саперы: 1866—1891 гг. Ташкент, 1893. С. 328; Инженерный журнал. 1873. № 8.
- ¹³ Кута — растение семейства осоковых, то же, что и озерный камыш. Растет по берегам озер, в плавнях рек. Губчатые стебли куты используют на плетение циновок, сумок и веревок, как упаковочный и набивочный материал (БСЭ, 2-е изд. Т. 19. С. 559—560; Т. 23. С. 597).
- ¹⁴ Кольдевин П. Разработка колесного пути в Тянь-Шань // Военный сборник. 1873. № 7. С. 183.
- ¹⁵ Е Лун-Ли. Указ. раб. С. 129, 319—320, 442.
- ¹⁶ Там же. С. 332, 342, 537.

Nomads' Bridges and Fords

Using the notes and travel journals of the explorers of the past, the authors reconstruct some of the ways of crossing over water obstacles known to the nomadic peoples of the East. The authors state that for many centuries the nomads had been making rafts of brushwood and branches; they had used hides of big game to make boats and ferries. In Kazakhstan such means of crossing water obstacles were in wide use even in the XXth century.

N. P. Ivlev, M. N. Ivlev.

© 1995 г., ЭО, № 1

В. Г. Балашок

ИНИЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ДРУЖИННИКОВ

Бытование инициаций у европейских народов в период средневековья в европейской исторической науке считается установленным¹. Одной из социальных групп феодального общества, в среде которой источники позволяют выявить существование инициационных ритуалов, была феодально-служилая знать. Ритуалы посвящения юных представителей феодальной знати в рыцари в странах Западной и Центральной Европы исследователи однозначно определяют как инициации². Представляется, что аналогичные обряды бытовали и в дружинной среде Древней Руси. Но при попытке реконструкции древнерусских дружинных инициаций исследователь сталкивается со значительными трудностями. Дело в том, что прямого описания этих ритуалов источники не содержат. Вместе с тем инициация древнерусских воинов-дружинников, как и любое другое явление культуры, действительно существовавшее, не могла исчезнуть, не оставив о себе никакой информации. Задача состоит в том, чтобы в древнерусском культурном наследии найти эту информацию и расшифровать ее. Попытка такой расшифровки была предпринята мной в статье, посвященной былинному сюжету об исцелении Ильи Муромца³. При дальнейшем исследовании обнаружилось, что данные об инициационных обрядах древнерусских дружинников содержит целый ряд былин, в которых представлены и другие сюжеты. И в этом нет ничего удивительного, поскольку героями большинства былин выступают древнерусские богатыри-воины, а в создании былин принимали участие профессиональные певцы из среды дружинников⁴. Исследователь отмечает, что «эпика также может служить вместилищем замаскированной исторической памяти»⁵.

Но не только фольклор донес до нас информацию о древнерусских дружинных посвящениях. Такие данные содержат летописи, а также произведения древнерусской литературы. В подавляющем большинстве летописные данные также требуют специальной расшифровки, что вообще характерно для средневековых источников, не содержащих, как правило, развернутых описаний ритуальных действий. Вместе с тем данные летописей для нас очень ценны, поскольку доку-

ментально зафиксировали факты, касающиеся интересующего нас явления в момент его бытования. Летописные данные, синхронные реконструируемому ритуалу, послужат основой, на которую ляжет не имеющий прямой хронологической привязки фольклорный материал. Исходя из этого, на основании как былин и летописей, так и некоторых других фольклорных и исторических материалов, попытаемся реконструировать древнерусский военно-дружинный инициационный обряд.

Структура инициации, по классическому определению Ван-Геннепа, строится по трехчастной схеме: ритуальное выделение индивида из коллектива — пограничный период (фаза ритуальной смерти) — реинкорпорация в коллектив, но уже в новом качестве⁶. В период феодализма⁷ инициации сохраняют свои основные структурные элементы и черты, хотя и приобретают определенную специфику, в том числе и связанную с разделением общества на социальные группы. Во всех социальных группах бытуют различные инициационные обряды. Следует отметить, что и в период первобытности в инициациях допускались значительные отступления от классической схемы: растягивание их во времени и деление на несколько этапов; чисто символическое, а не пространственное выделение иницианта из общества; превращение посвящений из коллективных в индивидуальные; отсутствие физических испытаний и т. п.⁸

Воинско-дружинная инициация также начиналась обрядовым отделением будущего дружинника от коллектива и семьи. К такому ритуальному отделению следует, по-видимому, отнести обычай передачи крупными боярами своих сыновей на воспитание «кормильцам» за пределы семьи. Так, согласно Ипатьевской летописи, у галицкого боярина Судислава, современника Даниила Романовича, был кормильцем Нездила, сам видный представитель феодального класса⁹. Данный обычай соответствует порядку, существовавшему в западноевропейских странах. Там подготовка будущего рыцаря начиналась с семилетнего возраста, когда мальчика отдавали на воспитание крупному феодалу или другому рыцарю¹⁰. Но настоящее выделение юноши из коллектива, в котором он до тех пор воспитывался, происходило в момент проводов его ко двору князя или крупного боярина, занимавшего, например, пост воеводы, где молодому человеку предстояло стать воином-дружинником. Об этом обряде дают представление воинские песни-причитания и рекрутские песни, в основе которых, по мнению исследователей, лежит давняя «не дошедшая до нас воинская причеть»¹¹.

Поздние по происхождению воинские песни вобрали в себя готовые клише древних воинских и генетически близких им похоронных причитаний. Из текстов таких песен мы видим, что молодых людей, которые шли в войско, провожали как покойников на тот свет: «Проводы рекрута носили в давние времена чисто погребальный характер»¹². Этнографические описания проводов на военную службу показывают, что новобранцев «оплакивали... как мертвецов или людей, заранее приговоренных к смерти»¹³. Такой же характер носят и украинские казацкие прощальные причитания, истоки которых уходят в глубь веков¹⁴. Вспомним в этой связи слова матери былинного Добрыни Никитича в момент отъезда его на свое первое (инициационное) испытание: «Ты не ездитко на гору Сорочинскую, / Не топчи-тко там ты малых змиенышов, / Не куплись-ко ты во матушке Пучай-реки; / Тая река свирепая, / ... Из-за первая же струйки как огонь сечет, / Из-за другой же струйки искра сыплется, / Из-за третъей же струйки дым столбом валит, / Дым столбом валит да сам со пламенью»¹⁵. Поскольку обычаи проводов новобранцев в войско имеют давнюю традицию, они в той или иной мере дают представление о существовавших в древности ритуальных действиях, обрядово оформлявших отделение будущих воинов от общества, исключение их из него, ритуальную смерть инициантов.

По прибытии в воинскую дружину молодые люди попадали в число младших отроков. Княжеская или воеводская дружина подразделялась на старшую и младшую. К старшей принадлежали бояре, младшую же составляли *от роки и гридни*. М. П. Погодин считал эти звания наследственными и обозначающими сослов-

ность. Но его аргументация не представляется убедительной, поскольку, доказывая свой тезис, исследователь проследживает биографии, во-первых, лишь знатных бояр и, во-вторых, в то время, когда они уже занимали видное положение при князьях, т. е. после завершения социализации (об их юности в его работе ничего не говорится)¹⁶. На преувеличение М. П. Погодиным наследственности, в данном случае в унаследовании звания отроков, уже обращал внимание М. С. Грушевский¹⁷. И. П. Крипякевич отмечает, что действительно в состав младшей дружины входили менее знатные представители феодального класса. Но отроки — «это была рыцарская молодежь, которая происходила из боярских родов; в княжеской дружине они готовились к воинской службе»¹⁸. И прежде чем стать настоящими боярами — членами старшей дружины (т. е. собственно дружины), они должны были пройти посвятельные обряды, именуясь до тех пор «сынами боярскими», а не «боярами»¹⁹. Известно, что отроки — выходцы из знатных семей, по положению отличались от гридней (мечников) — юношей менее знатного происхождения²⁰. Такой порядок обучения воинскому искусству в среде феодально-служилой знати был общераспространенным в странах Европы. Там, прежде чем быть допущенными к посвящению в рыцари, молодые люди с 14 лет служили при знатных феодалах в качестве оруженосцев (*дамузо*, *кнаппе*)²¹. Для обозначения отроков одновременно употреблялось и слово ДЬТСКИЙ²², которое было равнозначным слову *отрок* и есть прилагательное от ДЪТА, т. е. «относящийся к дитяти»²³. Само же слово *отрок* означало «дитя», «подросток», «юноша»²⁴, т. е. употреблялось для обозначения молодого человека, которого еще не признали зрелым мужчиной и полноправным членом коллектива. На это же, кстати, указывает и сам М. П. Погодин, который доказывает тождественность понятий дружина и боярство²⁵. А отроки, социализация которых еще не завершилась, не принадлежали к собственно дружине, которая имела немалое влияние на князя и с которой он советовался по важным вопросам («Изяславъ же... поча доумати съ дружиною»²⁶). Таких же отроков-оруженосцев («паробков») имеют и былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня, Алеша Попович²⁷.

Прибыв к княжескому двору, юноша представлялся князю и его дружине, что, думается, происходило в определенной обрядовой форме. Об этом можно судить по представлению былинных богатырей князю, когда они впервые прибывали к его двору. Так, Илья «Крест-от клал ён по писаному,/Вел поклоны по-ученому,/На все три, на четыре на сторонки низко кланялся,/Самому князю Владимиру в особину,/Еще всим его князьям он подколенным»²⁸. Князь обыкновенно спрашивает вновь прибывшего богатыря: «Ты скажи-тко, ты откулешной, дородный добрый молодец,/Тобе как-то молодеца да именем зовут,/Звеличают удалого по-отечеству?» На что богатырь отвечает, называя обычно место, откуда прибыл, и имя отца: «Есть я с славного из города из Муромля,/Из того села да Карачарова,/...Илья Муромец да сын Иванович!»²⁹ — или: «Меня, асударь, зовут Алешю Поповичем,/Из города Ростова...»³⁰. У германских народов введение юноши в воинский коллектив сопровождалось установлением личной связи между вождем и новым членом его свиты и определением ему наставника³¹. Это же было характерно и для Древней Руси. Из летописей следует, что отроки не просто входят в дружину, но обычно составляют ближайшую свиту того или иного князя, принадлежат ему, связаны именно с ним: «отроки Свѣньльжи», Ольга «повел отрокомъ своимъ»; «оустрыте и дѣтскыи его» (Василька Теребовльского); «отроки Борисовы многы»³². Отроков обычно называют в небольшом числе. Так, воевода Янь имел при себе 12 отроков, при Данииле Галицком их было 18³³.

Упоминаний о воинах-наставниках в летописях мы не встречаем, но былины дают нам представление о таковых. Так, наставником Ильи Муромца, а также (реже) и Алеши Поповича выступает Святогор. Илья, Добрыня и Алеша Попович после освоения ими богатырского ремесла являются наставниками своих «паробков»³⁴. Под руководством наставников отроки учились военному делу. «Молодой воин,— указывает И. П. Крипякевич в специальном исследовании войска княжеского периода,— должен был познать всякие роды оружия, различные способы

борьбы и рыцарских упражнений, должен был научиться бросать копьё, стрелять из лука, владеть мечом и саблей, рубить топором, ездить верхом на коне, ходить на охоту, грести веслами, бороться врукопашную»³⁵. В былинах имеются примеры обучения воинскому делу младших богатырей старшими: «Выучил Святогор Илью всем похваткам, / Поездкам богатырским»³⁶. Такое обучение можно видеть и в передаче силы Святогором Илье и Алеше Поповичу³⁷. Пример воинской учебы имеется и в летописи: «...обнажившему мечь свои играя (имеется в виду фехтование. — В. Б.) на слоугоу королеви, иному похвативши щит играючи неверным Молибоговидьчъмь»³⁸. Обучались юноши также дружинным традициям и нормам морали воинов-рыцарей. Из «Поучения» Владимира Мономаха видно, что отроки пребывали под присмотром князя как ученики, учась этическим нормам дружинного поведения. «Не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ»³⁹, — поучает Мономах своих сыновей и других князей. Былинные калики, исцеляющие Илью Муромца, также наставляют его: «Ты постой-ка за веру христианскую, / Бейся-ратися с силою неверною»⁴⁰; «А когда поедешь Илеюшка, да во чисто поле, / Не наезжай ты, Илеюшка, на храмы да на монастыри»⁴¹.

Среди отроков летописцы называют часто «меньшихъ дѣтскихъ», «маль дѣтескъ», «мал отрокъ»⁴². Такие младшие отроки иногда именуются «чадью»⁴³, т. е. челядью, поскольку они обычно исполняли обязанности слуг. Младшие отроки прислуживали за столом, когда пировали князь и старшие дружинники, подавая им еду и питье. Например, Ольга «повеле отрокомъ своимъ служити передъ ними» (древлянами. — В. Б.)⁴⁴. Радзивилловская летопись, рассказывая об убийстве князя Бориса Святополком Окаянным, прямо называет отрока, бывшего при нем, слугой: «...и слугу его, падша на немъ... бѣ бо отрок сеи родомъ угринъ»⁴⁵. Такой отрок-слуга был в спальне при Андрее Боголюбском в момент его убийства⁴⁶. Младших отроков использовали как посыльных, а также для присмотра за лошадьми в походах. Так, например, Ипатьевская летопись указывает, что во время одной из битв 1232 г. при галицких князьях какое-то время не было воинов, а лишь отроки, которые держали коней: «Данилови же прихавши к ним и поноужающую ихъ и никого не вѣдѣ в нихъ воинника, но отроки держаща конь»⁴⁷. О службе таких младших отроков рассказывают и былины: «Прибегает к нему (Добрыне. — В. Б.) паробок любимый, / Он берет коня да й богатырскаго, / Добра коня да ёнъ рассѣдлывать, / Да стал паробок добра коня кормить-поить»⁴⁸. Отроки известны и в качестве слугителей при должностных лицах князя, его «мужахъ» — посадниках, вирниках, мостниках, городниках⁴⁹.

Выполнение младшими отроками, выходцами из знатных семей, обязанностей слуг указывает на их приниженное положение, что характерно для второй, порубежной или лиминальной фазы инициации. В. Тэрнеф отмечает, что поскольку иницианты во время лиминальной фазы «умирают» в своем старом качестве, а нового еще не приобретают, они в это время пребывают «в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом», представляя собой «ни то ни се»⁵⁰. И не случайно младшие отроки часто называются *кощеями*, что означало «пленники», «рабы»⁵¹: «...пусти (Мстислав. — В. Б.) в наворопъ сѣдельники своѣ и кошѣъ»; «И быс вѣсть Половцем от кощѣя от Гаврилкова»⁵²; «...и бяше с нимъ (Андреем Боголюбским. — В. Б.) одинъ кощѣя малъ»⁵³. Во время лиминальной фазы иницианта всегда держат в состоянии шуток и насмешек, подчеркивая этим его обособленность от социального мира и его ритуальную смерть и таким образом поступая с ним противоположно общепринятому в мире людей⁵⁴. К таким насмешкам принадлежит и название инициантов-отроков *кощеями*. По-видимому, были и другие формы ритуальных насмешек, информации о которых мы пока не имеем.

После завершения обучения воинскому делу и дружинным традициям отроки проходили экзамен: испытывались их навыки владения оружием, знание военной науки, а также кодекса поведения и морали воина-дружинника. Об этом мы можем судить по материалам былин, в которых богатыри, проходящие инициацию, испытываются на главные качества, необходимые в дальнейшей

жизни, — наличие богатырской силы, способность ею разумно распорядиться, защищая родную землю от врагов, а также умение владеть оружием⁵⁵. Так, Илья Муромцу задается вопрос: «Ты ведь слышишь в себе теперь каку силу?»; «Ты ведь много ли собе теперь имешь всё силушки, / Ай ты слышишь по своим-то могучим плечам?»⁵⁶. На это испытуемый дает ответ, свидетельствующий о его пригодности к богатырскому воинскому делу: «Ишше силы-то во мне тепере порядоснѣ. / Ишше мог я бы ехать да во цисто полѣ; / А ишше мог бы смотреть на людей добрые; / А ишше мог бы я стоять за веру православную, / А за те же за церкви да за Божьи нонь, / А за те за поцѣстные монастыри, / А за тех я за вдов благоверных, / А за ту сироту я да маломожонну»⁵⁷. Или ответ Ильи в произведениях белорусского героического эпоса: «Госпадзі, есл бы гасподзь утвядзіў стоўб у неба і землю, то б я мох маць сыру землю пувярнуць уверх нагамі»⁵⁸. В украинской сказке Илья также отвечает: «Відчуваю велику силу в собі». «Відчуваю, що коли б у сиру землю вставити кільце, то я взяв би за те кільце і всю землю перекинув би»⁵⁹.

У древних германцев к физическим испытаниям молодых воинов во время их инициаций принадлежали особые пляски между мечей и копий: «Голые молодые люди — это исключительно их потеха — между мечей и угрожающих фразой (копий. — В. Б.) занимаются пляскою»⁶⁰. Как отмечают исследователи, есть основания считать, что подобные танцы с мечами в прошлом входили в состав посвящений в воины-дружинники и у других европейских народов, в том числе у древних русичей⁶¹.

Но главным испытанием будущих дружинников было их участие в битвах и военных походах уже в качестве воинов. Об этом говорится в летописях, которые сообщают нам об «оружных», т. е. вооруженных отроках, участвующих в военных действиях. Так, Даниил Галицкий во время похода на ятвягов «ѡха въ малъ отрокъ оружныхъ»⁶², княгиня Ольга «повельъ отрокомъ съчи я» (древлян. — В. Б.), а воевода Янь «повельъ взяти оружия отрокомъ»; или еще: «пристрои же Ратиборъ отроки в оружьи»⁶³. В былинах Илья Муромец, Добрыня, Алеша Попович и другие становятся настоящими богатырями только после военного похода и совершения ими своего первого подвига. Исследователи отмечают, что богатыри совершают свои подвиги дважды: один раз «по молодечеству», вторично — «по службе»⁶⁴. Именно после первого подвига, совершенного «по молодечеству», богатырь признается всеми в качестве такового. Так, Илья Муромец, прежде чем явиться ко двору князя Владимира в Киев, громит под Черниговом «силушку великую» и побеждает Соловья-разбойника⁶⁵. Он также совершает поход со Святогором, который передает ему свою силу⁶⁶. В былинном рассказе о том, как Илья напал на сонного Святогора и ударял его «палицей булатною», тоже, по-видимому, следует видеть испытание молодого отрока-богатыря богатырем старшего поколения⁶⁷. Добрыня, как известно, также сначала побеждает «змеинищо Горынищо» на Пучай-реке, а Алеша Попович — Тугарина⁶⁸. Алешин отрок Еким Иванович тоже участвует в походе и битве с Тугарином, а в одном из вариантов былины сам побеждает его⁶⁹. Как Святогор испытывает Илью Муромца, так и последний, будучи предводителем богатырей, подвергает испытанию поединком молодого Добрыню⁷⁰. В «Слове о полку Игореве» о воинах князя Всеволода говорится, что они выросли и воспитаны в военных походах: «подъ трубами повити, подъ шеломы възлельяны, конецъ копия въскрѣмлени»⁷¹.

Участие отроков в военных походах имело целью не только их испытание. Дело в том, что всякая инициация предполагает выход посвящаемых за пределы упорядоченного социального мира. Для перехода из одной социальной (возрастной) группы в другую, более высокую, «необходимо покинуть пространство, в котором господствует упорядоченность, и перейти в сферу неупорядоченного»⁷². Таким неупорядоченным пространством и выступает «чужая» земля, в которую совершает военный поход отрок в составе княжеского войска. Причем это не обязательно далекие заморские страны. В качестве «чужого» пространства воспринималась любая территория, рассматриваемая как «вражеская», с которой связана угроза, в част-

ности для жизни дружинников и соответственно проходящих инициацию отроков. Поэтому отроки-иницианты обязательно участвовали в военных походах как в качестве «неоружных» оруженосцев, так и позднее — в качестве «оружных» молодых воинов.

Всякая инициация имеет мифологический контекст. А в рассматриваемую нами эпоху, когда только совершался переход от язычества к христианству и древнеславянские мифологические представления были реальностью, дружинная инициация тоже, несомненно, должна была иметь свою мифологическую интерпретацию. Любой ритуал в рамках мифологического мышления имел свою сакральную модель, архетип — действие, выполнявшееся в начале времен богом, героем, предком⁷³. Исследования показывают, что мифическое событие, которое случилось в древние времена и у индоевропейских народов, касалось бога-воителя (у славян — Громовержца), «иллюстрировалось ритуалом, в котором главный персонаж проходил ритуал инициации»⁷⁴. Как известно, Перун, который в мифической битве с Велесом проходил инициационное испытание, был богом воинов, которому они поклонялись и подражали. Поэтому можно допустить, что участие инициантов в военных походах, где они побеждали своих первых противников, осмысливалось как аналог древнеславянского мифа о поединке Громовержца-Перуна и Змея-Велеса⁷⁵. Недаром миф о поединке Громовержца с Велесом лег в основу многих фольклорных сюжетов о древнерусских воинах-богатырях⁷⁶. Коллективные репрезентации трех функций, выделенных Ж. Дюмезилем у индоевропейских народов в древности, в том числе и военной, «не ограничивались чисто мифологическими персонажами, но и распространялись на многих эпических героев»⁷⁷. Не случайно и Илья Муромец, и Добрыня, и Алеша Попович, и Михайло Потык имеют змееподобных противников, выступая в качестве аллоперсонажей Громовержца.

После испытаний отроки посвящались в дружинники. О самом ритуале посвящения нам пока известно очень немного, поскольку летописи его описания до нас не донесли. Известно, что в странах Западной Европы ритуал рыцарского посвящения включал надевание шпор, а также препоясывание мечом. Затем посвящающий — один из старейших рыцарей — наносил юноше удар ладонью по затылку или по щеке. В некоторых странах на затылок посвящаемому клали плоской стороной клинок меча⁷⁸. Завершался ритуал показом ловкости нового рыцаря: вскочив на коня, он должен был пронзить копьем мишень. Церемония посвящения, носившая первоначально мирской и даже языческий характер, к XII в. была включена в религиозные рамки: накануне юноша должен был бодрствовать всю ночь, затем, на рассвете, он возлагал свое оружие на алтарь и посвящал его богу, выстаивал мессу и получал причастие. В некоторых случаях не рыцарь, а епископ совершал основной момент посвящения — препоясывание мечом⁷⁹. По-видимому, древнерусский ритуал посвящения в воины-дружинники был в какой-то мере подобен западноевропейскому. О препоясывании мечом молодых дружинников, которое совершил в 1149 г. польский король Болеслав во время пребывания его в Луцке, говорит Ипатьевская летопись: «Пасаше Болеславъ сыны боярски мечемъ многы»⁸⁰. М. С. Грушевский считал, что здесь речь идет о препоясывании мечом польских «сынов боярских»⁸¹. Но другие исследователи — Н. П. Дашкевич, М. Ф. Владимирский-Буданов — видели в этом рассказе свидетельство заимствования рыцарских обычаев, в том числе ритуала посвящения, древнерусскими дружинниками из западноевропейских стран⁸². Д. С. Лихачев также считает, что на Руси бытовал обычай препоясывания мечом посвящаемых в дружинники, недаром для него существовал и специальный местный термин — «пасти мечом»⁸³.

Посвящение в дружинники включало в Древней Руси, как и на Западе, вручение иницируемому атрибутов взрослого мужчины-воина: коня и упряжи, оружия, доспехов. По-видимому, какие-то элементы вооружения посвящаемый получал перед участием его в военном походе в качестве «оружного» отрока. Но право на весь комплекс военной экипировки и символическое его предоставление

совершалось, очевидно, на завершающем этапе посвящения. О вручении посвящаемому этих воинских атрибутов свидетельствуют былины: «По своей силы имей ты палицу тяжелую»; «Не забудь ты ише да сабли вострою, / Ты тово ишше ножа да все булатнаго»⁸⁴. Получал воин и «копье-то брузаменьское», а также «стрел колчан и тугой лук»⁸⁵. Из оружия у древнерусских дружинников, как и у западноевропейских рыцарей, особое место занимал меч. «На мечях клялись, мечи почитали, меч хранили, мечом „пасли“ — посвящали в высший ранг феодального общества, меч дарили князю при отправке его на княжение и т. д. и т. п.»⁸⁶. Поэтому вручение «меча булатного» новым дружинникам было важным элементом посвящения⁸⁷. Надевали новые дружинники и новую одежду и воинские доспехи, поскольку ранее они были лишены права носить облачение взрослых воинов в полном его объеме. Об этом свидетельствует былинный материал: «Одевается Илья в доспехи богатырские»; «Обкольчужился Илья, облатился»⁸⁸.

Ритуальное переодевание посвящаемых символизировало их новое рождение. Это же означал и обряд получения ими новых имен, поскольку и переодевание, и переименование в ходе инициации означает новое рождение индивида⁸⁹. О получении посвящаемым нового имени свидетельствуют былины: «Топерь будь-ко ты, Илья, до по имени, / Ишше будь-то ты свет да Мурамець»; «Поэтому мы тебя называли шьчо — Мурамець»⁹⁰, — говорят посвящающие Илью калики перехожие. Существование обрядовых переодевания и переименования у древнерусских дружинников подтверждается и наличием таких обрядов у украинских цеховых ремесленников, запорожских казаков и других социальных групп средневекового общества, у которых они входили в состав инициационных церемоний⁹¹.

Одним из центральных в ходе дружинного посвящения был обряд посажения на коня. Об этом мы можем судить как по материалам былин, так и по летописным данным, касающимся обрядов посажения на коня юных княжичей⁹². Материалы по княжеским инициационным посажениям на коня мы рассматриваем потому, что эти обряды и у князей и у их дружинников имели много общего, поскольку и те и другие принадлежали к социальной страте воинов, выделяемой Ж. Дюмезилем. Конь в ходе дружинной инициации, как и в других переходных обрядах восточных славян, являлся важным инициационным символом. Он выступал не только атрибутом воина, но и в качестве символического перевозчика-посредника между мирами при ритуальной смерти иницианта, «перенесении» его на тот свет и возвращении в социальный мир⁹³.

Итальянский историк-медиевист Ф. Кардини указывает, что у германских народов введение нового члена в состав королевской дружины «сопровождалось установлением определенной родственной связи (обычно именуемой „искусственной“, хотя точнее было бы сказать „ритуальной“)» между вождем и новым членом его свиты, а также между ним и остальными дружинниками⁹⁴. Особая личная связь между королем и его дружинниками отмечена и у варягов-скандинавов, и у кельтов. Причем эта связь была настолько тесной, что дружина должна была пасть в бою вместе с королем, если военное счастье изменяло ему. «Позор остается на всю жизнь на тех, которые вернутся живые с боя, потеряв своего начальника»⁹⁵, — свидетельствует Тацит. Цезарь пишет о кельтах, что если военных вождей постигает насильственная смерть, то дружинники «разделяют их участь или же сами лишают себя жизни»⁹⁶. О существовании такой личной связи между князем и его дружинниками в Древней Руси также свидетельствуют источники. Так, летописи демонстрируют нам примеры верности дружинников своему князю, за которого они идут в бой, часто гибнут и терпят лишения⁹⁷. В летописных описаниях битв часто содержатся слова князя, с которыми он обращается к своей дружине перед сражением и в критические моменты боя. В таких обращениях князь называет своих воинов словом «братья» (слова Святослава в его известной речи, обращение к дружине Игоря Новгород-Северского во время похода на половцев в 1185 г. и другие примеры⁹⁸).

Личная связь между князем и его воином устанавливалась еще во время

пребывания последнего в княжих отроках. При посвящении в полноправные дружинники молодой воин приносил своему князю присягу на верность, как это было, например, принято у викингов, а также у западноевропейских рыцарей⁹⁹. Слова такой присяги донесли до нас в какой-то мере былины: «Уш ты ой еси, великий князь чернигофский! / Мы постараемсе тебе служить правдой-верою, / Правдой-верою служить да неизменною»; «Послужить-то мне тебе да верой-правдою, / Верой-правдою тебе-ка неизменною...»¹⁰⁰, — клянутся богатыри. Формула присяги князю, кроме обязательства служить ему «верой-правдою», думается, включала также обет «ездить у его стремени», что в Древней Руси означало вассальную зависимость, вообще подчинение¹⁰¹. Так, например, Ярослав Осмомысл говорил Изяславу Мстиславичу: «Ать ездить Мьстиславъ подль твои стремя по одиной сторонѣ тебе, а я по другой сторонѣ подль твои стремя ъжду всеми своими полкы»¹⁰². Ср. также о «галичаном же текоущимъ оу стремени его»¹⁰³ (Даниила Галицкого). На миниатюре Радзивилловской летописи изображен символический момент: отрок-оруженосец, стоя на одном колене, поддерживает стремя князю Святославу¹⁰⁴.

Посвящаемые также клялись не уронить честь и славу свою и князя, ревниво оберегать дружинную репутацию: показать свое мужество, не допустить «сорому». Слова «честь», «слава», «мужество», «сором» в контексте кодекса дружинной морали и правил поведения являлись формульными и очень много значили для воина-дружинника. Вспомним в этой связи о воинах-курянах князя Всеволода из «Слова о полку Игореве», которые ищут «себе чти, а князю славу»¹⁰⁵. Эти словатермины часто употребляют летописцы, характеризуя действия дружинников, при этом вкладывая их в уста самих воинов и князей. Ср., например: «Василкови же молвящу ему: „Не погоубимъ чести князя своего“»; «...а возьмем до конца свою славу и чть»; «...победише сильнии полки и вземше свои честь и славу»; «Даниль... младь сы показа мужество свое»; «яко от бога мужество ему показавшу»; «поеди княже прочь аже ли добудемъ сором?»; «Кондрать похва во свояси возьмъ собь соромъ великъ»¹⁰⁶.

Включение нового воина в коллектив дружинников также сопровождалось определенным ритуальным действием. О нем мы можем судить по ритуалу «братания» нового богатыря, принимаемого в богатырскую дружину: «Золотыми крестами поменялиси, / Обнялись они поцеловалиси, / Святогор-богатырь да будет бѣльший брат, / Илья Муромец да будет меньший брат. / Хлеба-соли тут оне откушали, / Белой лебеди порушали»¹⁰⁷. «Он побраталсѣ крестами золотыми тут, / Называет их крестовыма всѣ брателками»¹⁰⁸. Здесь мы видим обмен крестами, определенную словесную формулу и ритуальную трапезу.

Как и у народов Западной и Центральной Европы, посвящение молодых воинов на Руси проводили старшие заслуженные дружинники. Это, в частности, видно из былин. Так, например, Илью Муромца посвящают в богатыри калики перехожие, сами являвшиеся богатырями, а также богатырь старшего поколения Святогор¹⁰⁹. Последнее обстоятельство указывает на важную роль при этом наставника: в таком качестве выступает в былинах Святогор. Проведение инициации взрослыми посвященными мужчинами, выступающими в качестве «культурнокомпетентных»¹¹⁰, является общей закономерностью мужских инициаций.

На этом завершалась инициация представителей феодально-служилой знати в Древней Руси. Новый воин-дружинник, пройдя нелегкий этап посвящения, включался в состав княжеской дружины в качестве полноправного ее члена, приобретая новый, теперь уже постоянный, социальный статус и место на ступеньках социальной иерархии. Не все в реконструируемой церемонии удалось восстановить. Многие остались неясными. Думается, дальнейшие исследования позволят уточнить и конкретизировать детали. Но общий ход инициации и основные элементы, надеюсь, удалось наметить. Но об этом судить читателю.

Примечания

- ¹ См., например: Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Begründet von G. A. Erich und R. Beitz. Stuttgart, 1974. S. 118—119, 133—134, 326—327, 329, 396—397; Tokarska J., Wasilewski J. S., Zmysłowska M. Śmierć jako organizator kultury//Etnografia polska. 1982. T. XXVI. Z. 1. S. 94—97; Хорватова Э. Традиционные юношеские союзы и инициационные обряды у западных славян//Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 162—173.
- ² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 357, 358; Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978. С. 111.
- ³ Балушок В. Г. Исцеление Ильи Муромца: древнерусский ритуал в былинне//Сов. этнография (далее — СЭ). 1991. № 5. Там же обосновывается правомерность привлечения былин в качестве источника по интересующему нас вопросу.
- ⁴ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 24. Былины как фольклорные эпические произведения, несущие отпечатки различных исторических эпох, содержат информацию и об архаических древнеславянских инициациях, на что уже обращалось внимание в предыдущей статье, но анализ ее и «дешифровка» — тема самостоятельного исследования.
- ⁵ Прицак О. Походження Русі//Хроніка — 2000. 1993. № 1—2 (3—4). С. 31.
- ⁶ Genpfer A. van. Die Übergangsriten. Frankfurt, 1986. S. 15, 21 f.
- ⁷ Ряд исследователей, в том числе этнографов, отрицает наличие в Древней Руси феодализма (см. например: Семенов Ю. И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития//Этнограф. обозрение. 1993. № 2. С. 70—72). Для нас в данном случае это не существенно.
- ⁸ История первобытного общества. Т. 2. М., 1986. С. 289—292; Т. 3. М., 1988. С. 392, 393.
- ⁹ Гарданов В. К. «Кормильство» в Древней Руси (к вопросу о пережитках родового строя в феодальной Руси X—XIII вв.)//СЭ. 1959. № 6. С. 50, 54; Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962 (далее — ПСРЛ. Т. 2). Стлб. 764—765.
- ¹⁰ Oswald G. Lexikon der Heraldik. Leipzig, 1984. S. 333.
- ¹¹ Еремич В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 26.
- ¹² Васильев М. К. Рекрутчина в малорусской песне (этнографический очерк)//Киевская старина. 1889. № 9. С. 619.
- ¹³ Второй этнографический сборник//Тр. Костромского науч. общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 15. С. 100; см. также: Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Т. III. Песни. Чернигов, 1899. С. 622, 632; Українські пісні/Видані М. Максимовичем (Фотокопія з вид. 1827 р.). Київ, 1962. С. 6, № 2. С. 23, № 16.
- ¹⁴ См., например: Українські пісні/Видані М. Максимовичем. С. 23, № 16.
- ¹⁵ Былины/Составитель, автор предисловия и вводных текстов Калугин В. И. (Классическая библиотека «Современника»). М., 1986. С. 215.
- ¹⁶ Погодин М. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. VII. Период удельный. М., 1856. С. 92.
- ¹⁷ Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 349.
- ¹⁸ Крип'якевич І., Гнатевич Б. Історія українського війська. Вип. 1. Тернопіль, 1992. С. 18—19. Инициации дружинников менее знатного происхождения, по всей видимости, в основном были аналогичны рассматриваемым нами.
- ¹⁹ См., например: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 271.
- ²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. I. М., 1988. Прим. 510.
- ²¹ Oswald G. Lexikon der Heraldik. S. 333.
- ²² См., например: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. М., 1962 (далее — ПСРЛ. Т. 1). Стлб. 258, 324, 325; Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989 (далее — ПСРЛ. Т. 38). С. 118, 139; Летопись по ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 367.
- ²³ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Стлб. 798.
- ²⁴ Там же. Стлб. 764.
- ²⁵ Погодин М. Указ. раб. С. 67.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 409.
- ²⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 3-е. Т. 2. М.; Л., 1938. С. 22, 55; Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 237—240.
- ²⁸ Онежские былины. С. 15.
- ²⁹ Там же. С. 15—16.
- ³⁰ Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 241; ср. также: с. 36 (Представление Ильи Святогору).
- ³¹ Кардини Ф. Указ. раб. С. 129—130.
- ³² ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 42, 46; Т. 1. Стлб. 798; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 123.
- ³³ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 165; Крип'якевич І., Гнатевич Б. Указ. раб. С. 20.
- ³⁴ Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 40, 41; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. III. Мезень. СПб., 1910. С. 252—254.
- ³⁵ Крип'якевич І., Гнатевич Б. Указ. раб. С. 37.
- ³⁶ Былины/Составитель... В. И. Калугин. С. 40.
- ³⁷ Там же. С. 41; Архангельские былины и исторические песни. С. 254.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 762.
- ³⁹ Поучение Владимира Мономаха//Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969 (БВЛ). С. 154.

- ⁴⁰ Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии/Составитель Авернариус В. П. СПб., 1885. С. 73—74.
- ⁴¹ Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)/Издание подготовили Астахова А. М., Бородина-Морозова Э. Г., Колпакова Н. П., Митропольская Н. К. и Соколов Ф. В. М.; Л., 1961. С. 486.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 325; Т. 2. Стлб. 764; Т. 38. С. 118; *Карамзин Н. М.* Указ раб. Кн. I. Т. II. Прим. 420.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 544.
- ⁴⁴ Там же. Стлб. 42; Т. 38. С. 29; Ср. об отроках-слугах у вождей викингов: *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966. С. 28.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 38. С. 59.
- ⁴⁶ *Карамзин Н. М.* Указ. раб. Кн. I. Т. II. Прим. 420.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 768—769.
- ⁴⁸ Онежские былины. С. 55; См. также: *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 238.
- ⁴⁹ *Погодин М.* Указ. раб. С. 86.
- ⁵⁰ *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 169.
- ⁵¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 672; *Срезневский И. И.* Указ. раб. Т. II. СПб., 1895. Стлб. 764.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 539, 542.
- ⁵³ *Срезневский И. И.* Указ. раб. Т. II. Стлб. 1308.
- ⁵⁴ *Tokarska J., Wasilewski J. S., Zmysłowska M.* Śmierć jako organizator kultury. S. 97.
- ⁵⁵ *Балушок В. Г.* Указ. раб. С. 23.
- ⁵⁶ *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 107.
- ⁵⁷ Архангельские былины и исторические песни. С. 279, 280.
- ⁵⁸ Беларускі эпас/Под ред. Глебкі П. Ф. і Глутарова І. В. Мінск, 1959. С. 62.
- ⁵⁹ Героїко-фантастичні казки/Упорядкування, передмова і примітки Березовського І. П. Київ, 1984. С. 50.
- ⁶⁰ *Тацит П. Корнелий.* О положении, обычаях и народах Германии//Сочинения П. Корнелия Тацита, все какие сохранились. Ч. I. М., 1870. С. 240.
- ⁶¹ Wörterbuch der deutschen Volkskunde. S. 726.
- ⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 832.
- ⁶³ Там же. Стлб. 46, 165, 218; Т. 38. С. 74, 90.
- ⁶⁴ *Бычко А. К., Бычко И. В.* Человек в мировоззренческой картине былинного эпоса//Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов. М., 1987. С. 26. Герои скандинавского эпоса, например Хаддинг, также совершают подвиги дважды (см.: *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М., 1979. С. 19).
- ⁶⁵ Онежские былины. № 74.
- ⁶⁶ *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 36—41; См. также: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Илья Муромец//Мифологический словарь. М., 1991. С. 242.
- ⁶⁷ *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 31—32.
- ⁶⁸ Онежские былины. № 79; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. № 20.
- ⁶⁹ Древние российские стихотворения... № 20; *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 250.
- ⁷⁰ *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 164—165.
- ⁷¹ Слово о полку Игореве//Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969 (БВЛ). С. 198.
- ⁷² *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе//Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 99; см. также: *Левинтон Г. А.* Инициация и мифы//Мифы народов мира. М., 1991. Т. I. С. 544.
- ⁷³ *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 45—46.
- ⁷⁴ *Пріцак О.* Указ. раб. С. 22.
- ⁷⁵ Реконструкцию мифа см.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974, там же на с. 158, 206 о связи Змееборца с вождем военной дружины.
- ⁷⁶ Там же. С. 166—172.
- ⁷⁷ *Пріцак О.* Указ. раб. С. 24; см. также: *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- ⁷⁸ *Ястребичкая А. Л.* Указ. раб. С. 135—137; *Oswald G.* Lexikon der Heraldik. Leipzig, 1984. S. 333.
- ⁷⁹ *Ястребичкая А. Л.* Указ. раб. С. 137; *Кардини Ф.* Указ. раб. С. 358.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 386.
- ⁸¹ *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. III. Львів, 1905. С. 254.
- ⁸² *Дашкевич Н. П.* Рыцарство на Руси — в жизни и поэзии//Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1902. Кн. 15. Вып. IV. С. 137—138; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1888. С. 56.
- ⁸³ *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 212.
- ⁸⁴ *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 107.
- ⁸⁵ *Былины Печоры и Зимнего берега.* С. 208.
- ⁸⁶ *Лихачев Л. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 212.
- ⁸⁷ *Балушок В. Г.* Указ. раб. С. 24.
- ⁸⁸ *Былины Печоры и Зимнего берега.* С. 218; *Книга былин.* С. 75.
- ⁸⁹ *Еремина В. И.* Указ. раб. С. 30, 139, 140.
- ⁹⁰ *Былины/Составитель... Калугин В. И.* С. 106; см. также: *Балушок В. Г.* Указ. раб. С. 22.

⁹¹ *Балушок В. Г. Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI — середина XVII в.) // СЭ. 1987. № 2. С. 48; Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. Т. 1. Київ, 1990. С. 147—148.*

⁹² *Балушок В. Г. Исцеление Ильи Муромца. С. 24; ПСРЛ. Т. 38. С. 157; Карамзин Н. М. Указ. раб. Кн. I. Т. III. С. 83, а также прим. 143—145.*

⁹³ *Балушок В. Г. Инициация древних славян (попытка реконструкция) // Этнограф. обозрение (в печати).*

⁹⁴ *Кардини Ф. Указ. раб. С. 129—130.*

⁹⁵ *Тацит П. Корнелий. Указ. раб. С. 235.*

⁹⁶ *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне. М., 1991. С. 71.*

⁹⁷ *См., например: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 409.*

⁹⁸ *ПСРЛ. Т. 38. С. 35, 120; Літописні оповіді про похід князя Ігоря/Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В. Ю. Франчук. Київ, 1988. С. 80, 81; Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 149—150.*

⁹⁹ *Гуревич А. Я. Походы викингов. С. 38; Ястребицкая А. Л. Указ. раб. С. 137—138.*

¹⁰⁰ *Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 51, 112.*

¹⁰¹ *Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 211.*

¹⁰² *ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 465.*

¹⁰³ *Там же. Стлб. 790.*

¹⁰⁴ *Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 234.*

¹⁰⁵ *Слово о полку Игореве. С. 198.*

¹⁰⁶ *ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 398; Т. 2. Стлб. 389, 734, 911; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 114.*

¹⁰⁷ *Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 33.*

¹⁰⁸ *Там же. С. 113.*

¹⁰⁹ *Балушок В. Г. Исцеление Ильи Муромца. С. 24—25; Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 30—33.*

¹¹⁰ *Weber-Kellermann J. Die Sprache der Bräuche // Zeitschrift für Volkskunde. 1984. В. 1. S. 26.*

Ancient Russian «Druzhinniks'» Initiation

The reconstruction of the initiation process of ancient Russian fighting men (druzhinniks) is based on folklore (mainly, the bylins) and the annals. The ritual removal of a young feudal noble from the community and the family involved his relocation to another family and his joining the prince's bodyguard. Under the supervision of an experienced instructor the youth studied the art of war and the druzhina's moral code; his participation in military campaigns and operations was mandatory. The reincorporation phase involved putting on the sword on the initiate (his «belting with the sword»), putting him on his oath of loyalty to the prince, and his ritual fraternizing with fellow bodyguards.

V. G. Balushok

© 1995 г. ЭО, № 1

Б. Н. Проценко

ДОНСКОЙ ОБРЯД ПЛОДОРОДИЯ: СВОЕОБРАЗИЕ И ТРАДИЦИИ

Особенности формирования донского казачества¹ привели к сосуществованию даже в смежных населенных пунктах как общих черт, так и более или менее значительных различий в быте, обрядах, обычаях и языке их жителей. Эти различия ясно осознаются казаками, как правило, хорошо осведомленными об образе жизни и культуре не только ближайших, но и дальних соседей-казачков. Принадлежность к «своей», казачьей, культуре столь очевидна для казака, что он без усилий дифференцирует людей на принадлежащих к казачьему сословию и находящихся за рамками этого сословия, предельно обостряя свою обособленность ответом на вопрос об этнической принадлежности: «Нет, я не русский, я — казак»². Это причудливое сочетание общего и особенного в культуре донского казачества в каждой этнолингвистической экспедиции, которые я провожу с начала 70-х годов, оборачивается любопытными находками, дающими пищу для